

Роль социально-гуманитарного фактора во внешней деятельности Южной Кореи в контексте корейского урегулирования

О.С. Пугачёва

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В условиях развития социально-гуманитарного измерения мировой политики возникают возможности для усиления роли и влияния «средних держав» в международных отношениях, в связи с чем анализ подходов и политики этих стран по использованию социально-гуманитарного фактора с целью балансирования в условиях существующего мирополитического баланса сил и обеспечения их внешнеполитических интересов является необходимым для понимания и оценки политических возможностей подобных стран на мировой арене. Целью данной статьи является выявление особенностей деятельности Южной Кореи в социально-гуманитарной сфере мировой политики с точки зрения южнокорейских внешнеполитических интересов. Исследовательский вопрос состоит в определении роли социально-гуманитарного фактора и, в частности, публичной дипломатии во внешней деятельности Южной Кореи в контексте корейского урегулирования. В результате исследования выявлено, что, используя публичную дипломатию и национальный брендинг в качестве инструментов конструирования роли Южной Кореи как «средней державы», южнокорейское руководство стремится обеспечить стране участие в создании норм и правил в различных областях глобального управления. Южная Корея продвигает дискурс, который способствует конструированию и укреплению её статуса «средней державы», а также формированию соответствующей национальной идентичности. Ключевой задачей публичной дипломатии Южной Кореи является продвижение южнокорейской позиции по корейскому урегулированию. В частности, Южная Корея активно вовлечена в публично-дипломатическую деятельность по корейскому вопросу в отношении США, позиция которых является одной из ключевых для его решения. В ходе анализа роли социально-гуманитарного измерения в межкорейских отношениях продемонстрировано, что различные южнокорейские администрации приоритизировали различные функции социально-гуманитарного фактора. При консервативных администрациях акцент делался на информационном давлении на КНДР, при этом развитие межкорейских отношений ставилось в зависимость от денуклеаризации Северной Кореи. Прогрессивные администрации предпочитали использовать подход вовлечения КНДР в социально-гуманитарные и экономические связи. В первом случае итогом становились откат в межкорейских отношениях и дальнейшее наращивание военной ядерной программы КНДР. Во втором случае социально-гуманитарная область была и остаётся измерением, в котором

УДК 327

Поступила в редакцию: 05.11.2019 г.

Принята к публикации: 03.02.2020 г.

существуют перспективные возможности взаимодействия, выгодного обеим сторонам. Кроме того, можно сделать вывод, что социально-гуманитарный фактор в межкорейских отношениях служит подушкой безопасности и трамплином в периоды обострения межкорейского конфликта и возникновения необходимости найти выход из тупика.

Ключевые слова: Южная Корея, КНДР, Корейский полуостров, социально-гуманитарное сотрудничество, публичная дипломатия, межкорейский конфликт, корейский вопрос, «средняя держава».

С 1980-х гг. начался резкий экономический рост Республики Корея, который позволил ей стать одним из экономических лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона и мира. Необходимость продвижения интересов бизнеса в мировой экономике ставила перед южнокорейским руководством задачу по поиску способов укрепления имиджа и бренда Республики Корея. В политической плоскости и области безопасности главной проблемой для Республики Корея остался неурегулированный корейский вопрос, в частности до сих пор отсутствует мирный договор, который бы официально положил конец Корейской войне 1950-1953 гг.

Корейский вопрос охватывает ряд переплетающихся между собой проблем, в числе которых сам межкорейский конфликт, а также неурегулированность отношений Северной Кореи с США и Японией. К концу 80-х гг. XX в. корейский вопрос дополнился ядерным фактором, в результате чего на первый план в комплексе проблем Корейского полуострова вышло решение ядерной проблемы.

Поиск путей решения ядерной проблемы Корейского полуострова осуществлялся главным образом по линии классической дипломатии путём политических переговоров, в том числе осуществлявшихся через многосторонний формат, – шестисторонние переговоры с участием Республики Корея, КНДР, США, Китая, России и Японии. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия по политической линии и жёсткий режим санкций в отношении КНДР, северокорейская ядерная и ракетная программы продолжали развиваться. В политическом плане северокорейское руководство также принимало меры, направленные на легитимизацию ядерного оружия, свидетельствующие в том числе о решимости КНДР сохранить имеющийся ядерный потенциал в качестве сдерживающего фактора. В частности, в 2016 г. в Конституцию КНДР была добавлена статья, указывающая на достижение Северной Кореей статуса ядерной державы. По состоянию на июнь 2019 г. американо-северокорейский политический диалог по денуклеаризации КНДР вновь оказался в тупике, несмотря на состоявшиеся в июне 2018 г. и феврале 2019 г. встречи между президентом США Дональдом Трампом и главой КНДР Ким Ченыном. Провал американо-северокорейского

саммита продемонстрировал, что позиции сторон по решению ядерной проблемы Корейского полуострова по-прежнему расходятся, и ни Вашингтон, ни Пхеньян не готовы идти на компромиссы.

Отсутствие прогресса в деле нормализации отношений между КНДР и США и денуклеаризации Северной Кореи препятствует политическому урегулированию непосредственно межкорейских отношений. Несмотря на переговоры на высшем политическом уровне, ряд саммитов между лидерами двух Корей в 2000 и 2007 г. и подписание двусторонних документов, направленных на установление мира в межкорейских отношениях, периоды снижения напряжённости на Корейском полуострове в скором времени сменялись возобновлением конфронтации, периодически выливавшейся в вооружённые инциденты.

В этой связи возникает вопрос: существуют ли какие-то дополнительные средства для того, чтобы ускорить решение северокорейской проблемы, способствовать включенности Северной Кореи в процесс нормализации межкорейских отношений?

Согласно оценкам исследователей, в мировой политике возросло значение социально-гуманитарной компоненты, что связано, прежде всего, с переосмыслением и повышением роли человека в мировой политике и других сферах, его вовлечением в транснациональные отношения (Лебедева 2018: 8). При этом социально-гуманитарная сфера мировой политики выступает не только в качестве собственно социально-гуманитарных связей и отношений, служа средством развития и сотрудничества, но и в качестве ресурса оказания воздействия на другие страны (Лебедева 2018: 8). Оно оказывается главным образом посредством различных инструментов публичной дипломатии. В условиях транснационализации отношений открываются новые возможности, каналы и площадки как для публичной дипломатии, которая осуществляется в социальной-гуманитарном поле мировой политики, так и для политической активности негосударственных участников мировой политики.

Южная Корея не осталась в стороне от данной тенденции, начав использовать социально-гуманитарный фактор в своих интересах ещё с конца 1980-х гг. В частности, Летние Олимпийские игры в Сеуле (1988 г.) явились примером использования социально-гуманитарного ресурса для того, чтобы заявить о себе как об экономически успешном и динамически развивающемся государстве. Будучи экспортоориентированной экономикой, Южная Корея активно действовала в социально-гуманитарной области, проводя культурную дипломатию, носившую преимущественно коммерциализированный характер (Cull 2012; Oh 2012; Melissen, Kim 2018) и была направлена, в первую очередь, на оказание поддержки южнокорейских компаний за рубежом¹. При этом для продвижения экономических интересов государства и бизнеса использовалось такое явление как «корей-

¹ Diplomatic White Paper 2007. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5684/list.do?page=3&srchFr=&srchTo=&srchWrd=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm (accessed 08.02.2020)

ская волна», которое нашло выражение в росте популярности массовой культуры Южной Кореи – музыки, киноиндустрии, кулинарии, тхэквондо – сначала в Восточной и Юго-Восточной Азии, а затем в других регионах мира.

В последнее время Республика Корея ориентирована также и на политическое использование гуманитарной составляющей, анализу которого и посвящена настоящая статья. С 2010 г. Республика Корея официально включила публичную дипломатию в свой внешнеполитический инструментарий, объявив её одной из трёх опор своей внешней политики наряду с традиционной и экономической дипломатией². В 2016 г. в Южной Корее был принят «Акт о публичной дипломатии», а затем разработан «План по публичной дипломатии на 2017-2021 гг.», в которых социально-гуманитарная активность официально рассматривалась с точки зрения содействия реализации политических интересов страны³. В этом контексте исследовательский вопрос данной статьи звучит следующим образом: какова роль социально-гуманитарного фактора и, в частности, публичной дипломатии во внешней деятельности Южной Кореи, связанной с корейским урегулированием? Целью статьи является выявление особенностей деятельности Южной Кореи в социально-гуманитарной сфере мировой политики в контексте южнокорейских внешнеполитических интересов. В первой части статьи анализируются инициативы Южной Кореи в области брендинга и публичной дипломатии, направленные на поиск и конструирование её роли в мировых делах и глобальном управлении. Затем автор рассматривает публичную дипломатию Южной Кореи по корейскому вопросу в отношении США, позиция которых имеет ключевое значение в корейском урегулировании. В завершение автором произведена оценка подходов консервативных и прогрессивных южнокорейских администраций к использованию социально-гуманитарного фактора в отношениях с Северной Кореей, а также дискурса, продвигаемого публичной дипломатией Южной Кореи в период президентства Ли Мёнбака, Пак Кынхе и действующего президента Мун Чжэина.

Публичная дипломатии Южной Кореи как «средней державы»

К так называемым «средним державам» относятся государства, которые обладают мощным экономическим и военным потенциалом, однако не способны действовать на международной арене в одиночку, в силу чего привержены международному праву и многосторонним институтам, а также используют «мягкую силу» и сети для того, чтобы оказывать влияние на мировую политику⁴.

² Public Diplomacy of Korea. URL: <http://www.publicdiplomacy.go.kr/english/index.jsp> (accessed: 08.02.2020)

³ 제1차 대한민국 공공외교 기본계획 (2017-2021) [Plan on Public Diplomacy (2017-2021)] (In Korean). URL: http://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4075/view.do?seq=366226&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=5 (accessed 08.02.2020)

⁴ Sohn Yul. 2015. Searching for a New Identity: South Korea's Middle Power Diplomacy – Analysis. *Eurasiareview.com*. URL: <https://www.eurasiareview.com/18122015-searching-for-a-new-identity-south-koreas-middle-power-diplomacy-analysis/> (accessed 08.02.2020)

Положение страны в иерархии мировой политики, имеющиеся у неё ресурсы определяют цели и задачи её публичной дипломатии. Великие державы стремятся с помощью реализации стратегии «мягкой силы» распространить и закрепить своё доминирование в мире и/или приоритетных регионах. Задачами их публичной дипломатии могут быть отстаивание своего видения глобального мирового порядка и правил поведения в нём, объяснение своей позиции и внешнеполитической деятельности, а также ребрендинг (Bátora 2005). Для «средних держав» публичная дипломатия служит средством для привлечения внимания к себе, отстаивания и объяснения более узких вопросов, непосредственно касающихся их либо представляющих для них особый интерес (Bátora 2005). «Средние державы» имеют ограниченные ресурсы, и поэтому могут эффективно реализовать свой потенциал в мировой политике, ограничившись несколькими нишами, в которых они имеют конкурентные преимущества (Cooper 1997; Henrikson 2005). При этом публичная дипломатия может стать эффективным инструментом внешней политики средних держав, позволяющим им успешно продвигать и реализовывать свои инициативы в отдельных областях политического, экономического и социально-гуманитарного сотрудничества.

Социально-гуманитарная сфера стала рассматриваться как возможность усиления влияния Южной Кореи на международной арене в качестве «средней державы». Стремление южнокорейских администраций повысить роль Южной Кореи в мировой политике было связано с несколькими факторами. Во-первых, сохранялись экономические мотивы, связанные с обеспечением доступа к зарубежным рынкам сбыта и ресурсам. Во-вторых, Южная Корея стремилась участвовать в формировании глобальной повестки дня мировой экономики и политики. При администрации Ли Мёнбака (2008-2013 гг.) Республика Корея наиболее активно позиционировала себя как держава среднего уровня, используя при этом маркетинговые стратегии по продвижению бренда Южной Кореи. Деятельность Южной Кореи по продвижению своего бренда опиралась на получившую популярность концепцию «национального бренда» С. Анхольта. Согласно ему и другим специалистам в области национального бренда, в современном мире глобальной конкуренции странам необходимо заниматься своей репутацией, чтобы оставаться конкурентоспособными на мировом рынке (экспорт, образование, туризм, инвестиции)⁵ (Anholt 2013) и иметь возможность участвовать в принятии решений по вопросам глобального управления (Aronczyk 2013: 16).

Стремление Республики Корея к повышению международного статуса имело под собой основания: увеличение веса страны в мировой экономике, её глубокая интеграция и зависимость от мировой торговли, а также изменения в иерархии глобального мирового порядка, которые обнажил мировой эконо-

⁵ Anholt S. 2008. Anything Wrong with Korea's Image Today? URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/issues/2013/08/260_32443.html (accessed 08.02.2020)

мический кризис 2008-2009 гг. Создание «Большой двадцатки» свидетельствовало о трансформации глобального управления и повышении в нём структурного веса ряда «средних держав». Для Южной Кореи «Группа двадцати» стала платформой для реализации потенциала, которая расширила её возможности по позиционированию себя в качестве моста между развитыми и развивающимися странами (Melissen, Sohn 2015: 41). Обоснованием роли связующего звена между развитыми и развивающимися государствами служит модель экономического развития Южной Кореи, позволившая ей за два поколения перейти из разряда страны-реципиента иностранной помощи в разряд страны-донора.

Вместе с тем в начале 2000-х гг. Южная Корея столкнулась с несоответствием между тем, какой страна стала благодаря экономическим успехам, и её международным имиджем: большинство населения в зарубежных странах считало, что Республика Корея – это бедная развивающаяся страна, и многие зачастую путали её с Северной Кореей⁶. Поэтому президент Южной Кореи Ли Мёнбак в качестве приоритетной задачи своей внешней политики выдвинул улучшение имиджа и репутации Южной Кореи, чтобы она воспринималась в мире как развитая страна⁷.

Некоторые исследователи склонны видеть в политике администрации Ли Мёнбака по продвижению бренда Южной Кореи не просто пиар-компанию, а продолжение стратегий предыдущих правительств, идущих от генерала Пак Чонхи, при котором Южная Корея встала на путь капиталистического развития, нацеленная на превращение в модернизированное развитое государство (Schwak 2016: 428). Согласно Дж. Швак, перед Ли Мёнбаком стояла цель с помощью национального брендинга подвести черту под усилиями предыдущих администраций и добиться признания международным сообществом Республики Корея в качестве одного из ведущих игроков международной системы. При этом, стоит отметить, что стратегия национального брендинга Ли Мёнбака была ориентирована не только вовне, но и вовнутрь. В частности, она предполагала формирование в Южной Кореи мультикультурного и открытого общества и вовлечение граждан Южной Кореи в процесс создания коллективной конкурентоспособной идентичности (Schwak 2016).

Главным драйвером усилий Южной Кореи по продвижению своего бренда теперь уже не только в коммерческих, но и политических целях стала «корейская волна», которая была в центре маркетинговой кампании *Global Korea*, проводившейся Советом по брендингу совместно с бизнесом, представленным южнокорейскими финансово-промышленными конгломератами – чэболями – (*Samsung, LG, Hyundai*) и компаниями развлекательной отрасли (*SM, YG, JYP*) (Schwak 2016: 437). Благодаря «корейской волне» в корне изменились восприя-

⁶ Anholt S. 2008. Anything Wrong with Korea's Image Today? URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/issues/2013/08/260_32443.html (accessed 08.02.2020)

⁷ Branding Korea. 2008. URL: <http://nation-branding.info/2008/08/16/branding-korea/> (accessed 08.02.2020)

тие и образ Южной Кореи в мире. Кроме того, вместе с продвижением южнокорейской культуры и южнокорейского развлекательного контента осуществляется популяризация корейского языка и привлекаются иностранные студенты в университеты Южной Кореи. Корейский язык преподаётся в корейских культурных центрах (ККЦ), подведомственных Министерству культуры, спорта и туризма. С 2007 г. при иностранных университетах, культурных центрах РК в зарубежных странах стали открываться образовательные центры имени Короля Сэчжона Великого, в которых также обучают корейскому языку и проводят различные культурные мероприятия. По данным на 2017 г., в 54 странах открыт 171 образовательный центр⁸. Об успешности действий Кореи по распространению корейского языка свидетельствует рост числа иностранцев, сдающих международный экзамен на знание корейского языка – *TOPIС*. За 20 лет – с начала проведения экзамена в 1997 г. по 2017 г. – их число увеличилось в 107 раз, составив 2120168 чел.⁹

Помимо использования активов «корейской волны», в рамках плана по продвижению политического бренда Кореи было активизировано взаимодействие на уровне гражданского общества в социально-гуманитарной сфере путём создания ряда механизмов сотрудничества. К таким механизмам следует отнести запуск волонтерской программы *World Friends Korea*, которая интегрировала программы в этой сфере, ранее осуществлявшиеся различными министерствами. Данная программа предполагает ежегодное отправление за границу 3 000 волонтеров для работы в разных сферах, включая образование, здравоохранение, сельское хозяйство, защиту окружающей среды, информационный сектор. Программа *Korean Wave* предполагала передачу южнокорейского опыта развития развивающимся странам, оказание им технической помощи и одновременно продвижение южнокорейской массовой культуры и товаров. Также следует упомянуть реализацию программы *Campus Asia (Collective Action for Mobility Program of University Students in Asia)*, направленную на развитие студенческой мобильности между университетами Южной Кореи, Китая и Японии, аналог европейской образовательной программы *Erasmus*¹⁰.

Ещё одним измерением публичной дипломатии Южной Кореи стали попытки южнокорейского руководства нащупать ниши, в которых Республика Корея могла бы эффективно реализовать свой потенциал «средней державы», используя конкурентные преимущества. Данный феномен получил название нишевой дипломатии, т.е. дипломатии в конкретной сфере, в которой страна способна внести вклад в «глобальное общественное благо» и тем самым повы-

⁸ Первому Образовательному центру имени короля Сэчжона Великого 10 лет. Korean Broadcasting System. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Cu_detail.htm?lang=r&id=Cu&No=50566¤t_page=4 (дата обращения 08.02.2020)

⁹ Более 2 млн иностранцев сдали экзамен по корейскому языку. Korean Broadcasting System. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Cu_detail.htm?lang=r&id=Cu&No=51000¤t_page=2 (дата обращения 08.02.2020)

¹⁰ "CAMPUS Asia" and Quality Assurance. URL: <https://www.niad.ac.jp/english/campusasia/> (accessed 08.02.2020)

свить свою роль в глобальном управлении (Henrikson 2005). При этом некоторые исследователи в традиции реалистской школы международных отношений видят задачу публичной дипломатии в том, чтобы представить национальную политику как служащую интересам глобального блага (т.е. всего человечества), несмотря на то, что страна действует исходя из собственных интересов (Henrikson 2005: 75). На такой тезис представители неолиберализма, вероятно, возразили бы, что подобная позиция контрпродуктивна для наращивания «мягкой силы» государства, а также его имиджа и репутации. Так, отмечавшееся критиками явное прослеживание стратегических интересов за тем, кому и каким образом Южная Корея оказывает помощь развитию (преобладание кредитов над грантами, двусторонних форматов оказания помощи над многосторонними механизмами и приоритет Азии над другими регионами)¹¹, накладывает негативный отпечаток на её усилия по наращиванию «мягкой силы». Более того, открытое использование термина «мягкая сила» в официальных документах и на правительственных сайтах, посвящённых реализации южнокорейской политики содействия в области развития развивающимся странам, имело обратный эффект для репутации Южной Кореи (Howe 2015).

Республика Корея обладает потенциалом для проведения нишевой дипломатии. На официальном уровне выражается готовность принимать активное участие в решении различных проблем международного сообщества¹². Однако исследователи отмечают наличие риска непоследовательности южнокорейских усилий в определённых областях ввиду того, что новые южнокорейские администрации зачастую меняли внешнеполитический курс своих предшественников¹³ (Snyder 2015). Вместе с тем некоторые исследователи считают, что среди политических кругов Южной Кореи в целом сложился консенсус относительно областей глобальной политики, в которых она может и должна стать лидером, формирующим повестку дня и правила игры. Рэмон Пачеко Пардо к таким нишам относит помощь развитию, зелёную экономику и многостороннюю дипломатию¹⁴. Помимо этого, Корея участвует в операциях по поддержанию мира, ликвидации последствий стихийных бедствий, выступает за защиту и продвижение прав человека, позиционирует себя как один из лидеров IT-технологий, стремится укрепить свои позиции в области ядерного нераспространения, а также выступать организатором крупных многосторонних международных мероприятий в тех областях, в которых она стремится играть одну из ключевых ролей. В период президентства Ли Мёнбака (2009-2013 гг.) в Южной Корее со-

¹¹ South Korea: Rejuvenating the Traditional Aid, 2014. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/south-korea-rejuvenating-traditional-aid-10211> (accessed 08.02.2020)

¹² Keynote Speech from South Korea's Ambassador for Public Diplomacy, October 2017. URL: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/story/keynote-speech-south-koreas-ambassador-public-diplomacy> (accessed 08.02.2020)

¹³ Robertson J. 2018. Is South Korea Really a Middle Power? *Eastasiaforum.org*. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/05/02/is-south-korea-really-a-middle-power/> (accessed 08.02.2020)

¹⁴ Pardo R.P. 2018. Moon and South Korea's Global Role: Evolution Not Revolution. 2018. URL: https://www.korea-chair.eu/wp-content/uploads/2018/11/KFVUB_Policy_Brief_2018-10.pdf (accessed 08.02.2020)

стоялся Саммит G-20 (Сеул, 2010 г.), Саммит по ядерной безопасности (Сеул, 2012 г.), Четвёртый форум высокого уровня по повышению эффективности внешней помощи (Пусан, 2011 г.). Также в 2012 г. было принято решение о размещении в Инчхоне штаб-квартиры Зелёного климатического фонда, призванного помогать развивающимся странам в смягчении последствий глобального потепления и в развитии низкоуглеродных технологий.

Южная Корея прилагает усилия в выбранных областях так, чтобы они ассоциировались с её ведущей ролью и активным вкладом в глобальное благо. Ответ на вопрос, насколько успешны эти усилия, неоднозначен, но предпринимаемых южнокорейским руководством действий недостаточно. Дж. Робертсон отмечает, что политический курс Республики не соответствует политике «средней державы», поскольку отсутствуют последовательные и креативные инициативы в области глобального управления¹⁵. Причин тому несколько. Во-первых, в Южной Корее ещё не сформировалась идентичность «средней державы». Во-вторых, сохраняется высокая конкуренция среди стран, претендующих на этот статус и рассчитывающих реализовать себя в тех же нишах, что и Южная Корея. В-третьих, остаются неурегулированными проблемы Корейского полуострова (что означает отвлечение ресурсов и зависимость от США) (Мо 2017). В-четвёртых, ограничивающим фактором для публичной дипломатии, равно как и внешней политики в целом, является политически поляризованное население (Melissen, Kim 2018). В-пятых, концепциям «средней державы», выдвинутым разными южнокорейскими администрациями, не хватает чётко сформулированного долгосрочного стратегического видения, обеспечивающего последовательность внешнеполитической деятельности¹⁶. Основной причиной этого служат действующая конституция и партийная система Южной Кореи, в частности и то, что президент избирается всего на один срок¹⁷.

Несмотря на данные ограничения, руководство Южной Кореи продолжает конструировать роль Республики Корея на международной арене. Международные роли – это конструкты (Henrikson 2005), поэтому задача публичной дипломатии страны состоит в формировании дискурса, продвигающего её статус «средней державы» за рубежом и способствующего созданию соответствующей национальной идентичности, обеспечивающей поддержку внешней политики и публичной дипломатии страны со стороны собственных граждан. Население Южной Кореи, в том числе в силу его политической расколотости, является важным объектом южнокорейской публично-дипломатической стратегии. При Мун Чжэине население стало главным приоритетом публичной дипломатии Ре-

¹⁵ Robertson J. 2018. Is South Korea Really a Middle Power? *Eastasiaforum.org*. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/05/02/is-south-korea-really-a-middle-power/> (accessed 08.02.2020)

¹⁶ Kim Sung-mi. 2016. South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/south-koreas-middle-power-diplomacy-changes-and-challenges> (accessed 08.02.2020)

¹⁷ Robertson J. 2018. Is South Korea Really a Middle Power? *Eastasiaforum.org*. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/05/02/is-south-korea-really-a-middle-power/> (accessed 08.02.2020)

спублики Корея, что связано как с необходимостью подготовки собственных граждан в качестве инструмента/партнёра государства по проведению публичной дипломатии, так и, как отмечает Дж. Мелиссен, отражает общий глобальный тренд смещения внимания публичной дипломатии государств в пользу собственного населения (Mellissen, Kim 2018). Данная тенденция обусловлена стремлением государств не потерять своё население в том плане, чтобы сохранить возможности осуществления контроля над общественным мнением и обеспечением лояльности граждан государственным институтам в условиях прозрачности границ между государствами как территориальных, так и информационных. Кроме того, «внутренняя» южнокорейская публичная дипломатия ориентирована на иностранцев, проживающих в Южной Корее, формирующих своё представление о стране изнутри и способных стать проводниками культуры и влияния Южной Кореи за рубежом.

Публичная дипломатия Южной Кореи по корейскому вопросу

Корейский вопрос имеет первостепенное значение для южнокорейской внешней политики, так как напрямую затрагивает проблему обеспечения национальной безопасности страны, а также оказывает влияние на роль и идентичность Республики Корея на международной арене. Обладая недостаточным политическим весом и влиянием, чтобы определять ситуацию на Корейском полуострове, Южная Корея использует публичную дипломатию для обеспечения своих интересов по корейскому вопросу. Продвижение южнокорейской позиции по корейскому урегулированию является одной из ключевых составляющих её публичной дипломатии¹⁸. При этом активность в области публичной дипломатии по корейскому урегулированию направлена, прежде всего, на те страны, позиция которых способна повлиять на положение дел на Корейском полуострове: США, Китай, Россия, Япония, а также ЕС¹⁹. В данной статье рассматривается публичная дипломатия Южной Кореи по корейскому вопросу в отношении США, позиция которых имеет ключевое значение в процессе корейского урегулирования.

Программы публичной дипломатии по корейской проблеме нацелены в первую очередь на американских политиков, исследовательские центры и университеты. Широкое распространение получили мероприятия с привлечением негосударственных участников по линии дипломатии полуторного трека, в рамках которого происходит взаимодействие между представителями правительственных структур в личном качестве и представителями негосударственных организаций, и второго трека дипломатии, в котором осуществляется диалог

¹⁸ Joel Lee. Herald Interview. "Public Diplomacy Critical for Peace in Perilous Times". URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180409000750> (accessed 08.02.2020)

¹⁹ Shin Hyon-hee. New Law to Boost Public Diplomacy. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20160804000679> (accessed 08.02.2020)

на уровне негосударственных участников международной коммуникации. Так, вскоре после инаугурации Дональда Трампа в США направилась южнокорейская делегация по публичной дипломатии, которая провела встречи с представителями научного сообщества и Конгресса, чтобы углубить своё понимание внешней политики новой администрации и разработать эффективную стратегию публичной дипломатии в отношении США. Представители Министерства иностранных дел Республики Корея провели презентации в крупных городах США с целью разъяснения южнокорейской внешней политики²⁰. Публичная дипломатия выступает в качестве подхода, дополняющего классическую дипломатию. Так, важной задачей публичной дипломатии накануне саммитов Ким Ченнына с Мун Чжэином и Дональдом Трампом было информирование и склонение Конгресса США к позиции, выгодной для Южной Кореи²¹.

Главная роль в налаживании связей с научным сообществом и политическими кругами США принадлежит Корейскому фонду, который был создан в 1991 г., а в 2017 г. назначен органом, ответственным за проведение публичной дипломатии Южной Кореи. При поддержке Корейского фонда совместно с исследовательскими центрами, университетами и НПО США проходят различные конференции и семинары по вопросам, касающимся Корейского полуострова. Корейский фонд запустил такой проект как Корейские отделы при исследовательских центрах: три из четырёх были созданы в США: в Центре стратегических и международных отношений (ЦСМО) (2009), в Брукинском университете (2014) и в «РЭНД Корпорэйшн» (2018)²².

Корейские отделы при исследовательских центрах возглавляются авторитетными американскими исследователями по Корее. Они призваны продвигать исследовательскую повестку дня по корейской проблематике и осуществлять функцию наставничества молодых специалистов-корееведов. Кроме того, задача руководителя Корейского отдела состоит в установлении партнёрских отношений с исследовательскими институтами в Южной Корее и проведении симпозиумов, конференций, осуществлении научных обменов и совместных исследовательских проектов²³. С 2011 г. ежегодно Центр стратегических и международных исследований совместно с *JoongAng Media Group* проводят конференции, посвящённые актуальным вопросам американско-южнокорейских отношений, а также политике и безопасности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии²⁴. С 2016 г. Корейский Фонд и ЦСМО ежегодно организуют Корейско-американский стратегический форум, который объединяет

²⁰ Diplomatic White 2018 Paper. P. 224-225. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5684/list.do (accessed 08.02.2020)

²¹ Joel Lee. Herald Interview "Public Diplomacy Critical for Peace in Perilous Times". URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180409000750> (accessed 08.02.2020)

²² Public Diplomacy Critical for Multicultural Korea [Interview]. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/12/176_260478.html (accessed 08.02.2020)

²³ Gift from the Korea Foundation Establishes Chair in Korea Policy Studies at RAND Corporation. URL: <https://www.rand.org/news/press/2018/01/09/index1.html> (accessed 08.02.2020)

²⁴ CSIS in Seoul. URL: <https://www.csis.org/programs/korea-chair/csis-seoul> (accessed 08.02.2020)

представителей экспертно-научного сообщества, СМИ и бывших и действующих дипломатов и государственных служащих.

ЦСМО и Институт корейских исследований Университета Южной Каролины инициировали при поддержке Корейского фонда программу *U.S. – Korea NextGen Scholars Program*, нацеленную на будущее поколение американских специалистов по Корее. Кроме того, Корейский фонд приглашает в Южную Корею будущих лидеров в рамках программ *Next Generation Leaders Program, U.S. – Korea NextGen Scholars Program, Next Generation Policy Experts Program*. С 2015 г. Корейский фонд организует Диалог выпускников программ подготовки будущего поколения политических экспертов²⁵. Данные форматы позволяют установить и поддерживать сеть профессиональных контактов с будущими и действующими исследователями и политиками, получать информацию и принимать участие в формировании дискурса исследований, проводимых участниками данной сети.

Южнокорейские исследовательские центры активно вовлечены в публичную дипломатию, при этом большая часть их активности тематически касается проблем Корейского полуострова. Проводятся различные конференции совместно с американскими исследовательскими центрами, университетами и НПО²⁶. Наибольшую активность в проведении южнокорейской публичной дипломатии в США проявляет Институт Сэчжона. В качестве примера проводимых им мероприятий можно привести Форум Сеул–Вашингтон 2018, который прошёл в Совете по международным делам в Вашингтоне.

Южнокорейские компании вносят свой вклад в развитие и проведение публичной дипломатии в США путём спонсирования различных проектов²⁷, а также финансирования американских НПО, занимающихся укреплением отношений между США и Южной Кореей²⁸. Интересы бизнеса связаны с развитием «мягкой силы» Южной Кореи, продвижением её государственного бренда в целях повышения собственной прибыли и укрепления своих позиций на рынке США.

Оригинальный подход к публичной дипломатии, как отмечает Кент Колдер, применяет Корейский экономический институт (КЭИ) в США²⁹. Это, прежде

²⁵ В 2016 г. проходили презентации и дискуссии по таким темам как “Северокорейская ядерная проблема: санкции и перспективы”, “Мир и стабильность на Корейском полуострове и в Восточной Азии”. См.: KF Next Generation Policy Experts Alumni Dialogue 2016 Held in Seoul. URL: http://en.kf.or.kr/?menu=3767&type=view&evnt_no=2204&pageInd ex=75&searchevnt=0 (accessed 08.02.2020)

²⁶ В частности, южнокорейский мозговой центр АСАН и американский Фонд Карнеги за международный мир организовали в марте 2019 г. конференцию, посвящённую оценке результатов второго саммита между Ким Чен Ыном и Дональдом Трампом. В 2017 г. Корейский институт национального объединения и Внешнеполитическая ассоциация провели конференцию на тему «Текущие вызовы для Корейского полуострова и перспективы объединения».

²⁷ При поддержке Hyundai Motor Company и Корейского фонда в 2015 г. в Центре Вудро Вильсона был создан Центр корейской истории и публичной политики. См.: Hyundai Motor-Korea Foundation Center for Korean History and Public Policy. URL: <https://www.wilsoncenter.org/program/hyundai-motor-korea-foundation-center-for-korean-history-and-public-policy> (accessed 08.02.2020)

²⁸ Самые крупные суммы (100 тыс. долл. США и выше) были получены НПО *Korea Society* от семи южнокорейских предприятий (*GS Caltex, Hyundai Motor Group, LG Electronics, Poongsan Corporation, POSCO, Samsung Electronics u SK Group*) и Корейского фонда. См.: The Korea Society 2017 Annual Report. P. 18.

²⁹ Calder K. Public Diplomacy: Why It Matters and How It Works. 2014. URL: <https://www.nippon.com/en/features/c00718/public-diplomacy-why-it-matters-and-how-it-works.html> (accessed 08.02.2020)

всего, «форумы по формированию программы действий дипломатии второго уровня» (Calder 2014). Офис КЭИ находится в Вашингтоне. В нём проводятся лекции, нетворкинг-сессии, применяется подкастинг – *Korean Kontext*, посвящённый отношениям между Южной Кореей и США. Местоположение в Вашингтоне обеспечивает исследовательскому центру стратегическое присутствие, позволяющее заработать сетевой и политический капитал, который необходим для лоббирования через сеть и распространения идей (Вајенова 2018). Отметим, что аналогичные цели преследуют корейские отделы при американских исследовательских центрах, а также отделение южнокорейского мозгового центра АСАН, находящееся в Вашингтоне.

Американские аналитические центры используются высшим руководством Южной Кореи в качестве площадок публичной дипломатии. В ходе своих визитов в США президенты Южной Кореи Пак Кынхе и Мун Чжэин выступали с речью в Центре стратегических и международных исследований в 2015 г. и 2017 г. соответственно. Во время своего визита в США в сентябре 2018 г. Мун Чжэин посетил Совет по международным делам, где он рассказал о развитии событий на Корейском полуострове и состоянии союза между Южной Кореей и США³⁰.

Ещё один аспект публичной дипломатии Южной Кореи в США связан с политикой по консолидации корейской диаспоры за рубежом, которая насчитывает 7,4 млн человек³¹. В США проживает 1,9 млн зарубежных корейцев³². Инструментом по налаживанию связей с зарубежными корейцами выступает Фонд зарубежных корейцев, деятельность которого направлена на создание устойчивых сетей с ними, укрепление корейской идентичности и связей соотечественников с исторической родиной. Фонд зарубежных корейцев является агентством Министерства иностранных дел Южной Кореи, а его бюджет на четверть финансируется правительством (Melissen, Kim 2018). Корейский экономический институт также работает с корейской диаспорой в США³³. Несмотря на предпринимаемые в последние годы усилия южнокорейского руководства в диаспоральной дипломатии, исследователи отмечают, что потенциал созданной сети отношений с корейской диаспорой за границей используется недостаточно (Melissen, Kim 2018).

Налаживание связей с корейской диаспорой в США имеет важное значение, так как существующие в США организации этнических корейцев достаточно политически активны, и их позиция и деятельность могут либо благоприятствовать, либо создавать препятствия усилиям южнокорейского правительства по корейскому вопросу. Кроме того, корейская диаспора в США является одно-

³⁰ Our Greater Alliance, Making Peace: A Conversation with President Moon Jae-in. URL: <https://www.cfr.org/event/our-greater-alliance-making-peace-conversation-president-moon-jae> (accessed 08.02.2020)

³¹ Remarks by President Moon Jae-in on the 12th World Korean Day. URL: <http://english1.president.go.kr/BriefingSpeeches/Speeches/77> (accessed 08.02.2020)

³² Zong J., Batalova J. 2019. Korean Immigrants in the United States. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/korean-immigrants-united-states> (accessed 08.02.2020)

³³ NetKAL Programs. URL: <http://keia.org/page/netkal-programs> (accessed 08.02.2020)

временно целевой аудиторией американской публичной дипломатии, направленной на оказание воздействия на Южную Корею.

Пока рано делать выводы о том, насколько успешна публичная дипломатия по корейскому вопросу Южной Кореи в США. Вместе с тем работы в этом направлении Южной Кореи предстоит много. Об этом свидетельствует и тот факт, что – как показала поездка в США делегации южнокорейских бизнесменов, инвестировавших в Кэсонский комплекс, совместный межкорейский экономический проект, с целью заручиться американской поддержкой для его возобновления, – большинство американских официальных лиц не знали, где находится этот комплекс, каковы его масштабы и какое значение он имеет для межкорейских отношений³⁴. Кроме того, стоит отметить, что американские негосударственные организации и институты, выступающие целевой аудиторией публичной дипломатии Южной Кореи в США, в свою очередь, являются активными и располагающими несравнимо большими возможностями и ресурсами акторами публичной дипломатии Соединённых Штатов. Отдельного исследования требует вопрос взаимовлияния акторов публичной дипломатии обеих стран на позиции друг друга.

Дискурс южнокорейской публичной дипломатии и межкорейские отношения

Публичная дипломатия Южной Кореи сосредоточена на мобилизации международной поддержки южнокорейских инициатив по денуклеаризации КНДР и объединению двух Корей³⁵. С этой целью на правительственном уровне формируется и проецируется во внешнее информационное пространство южнокорейский дискурс по корейскому вопросу.

В 2008-2016 гг. южнокорейское руководство продвигало среди мировой общественности повестку объединения Кореи. Широкое освещение в прессе получила «дрезденская речь» президента Пак Кынхе, произнесённая ею в марте 2014 г., хотя по существу ничего нового сказано не было. В данной речи Пак Кынхе представила «Инициативу по мирному воссоединению Корейского полуострова», которая включала предложения, не раз выдвигаемые обеими сторонами: возобновление встреч разлученных семей, развитие контактов и обменов, создание совместных предприятий (Денисов 2015: 185). На службу продвижению объединительного дискурса были поставлены как официальная публичная дипломатия, осуществляемая правительственными структурами, так и индустрия массовой культуры. Так, в качестве примера можно привести показ в

³⁴ Seoul Fails to Win Sympathy for Need to Resume Inter-Korean Factory Park. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/06/113_270848.html (accessed 08.02.2020)

³⁵ (LEAD) New Law Set to Take Force to Harness S. Korea's Public Diplomacy. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/news/2016/08/03/0200000000AEN20160803006251315.html?m> (accessed 08.02.2020)

2017 г. в корейском культурном центре в Москве фильма «Мальчик встречает девочку», в котором поднималась тема разделённой Кореи. После показа фильма представитель отдела Объединения Кореи посольства РК в России Ви Мён-дже прочитала лекцию о политике южнокорейского правительства по объединению Кореи и об отношении южнокорейской молодежи к объединению³⁶.

«Корейская волна» – растущая популярность корейской массовой культуры, моды и кухни за рубежом – использовалась руководством Южной Кореи для того, чтобы донести идею мирного объединения Кореи до максимально возможного количества иностранных граждан. В 2015 г. Министерство объединения, Комитет по подготовке к объединению при Президенте Республики Корея, Комитет по 70-летию освобождения Кореи выступили спонсорами кампании по популяризации идеи объединения, в рамках которой была написана песня «Одна мечта, одна Корея» и снят видеоклип с участием известных исполнителей корейской поп-музыки, а также министра Объединения Хон Ёнпхё, лидеров партии «Сэнури» Ким Мусона и партии Движение «Новый политический альянс за демократию» Мун Чжэина³⁷.

Вместе с тем данная кампания также была направлена на формирование консенсуса по вопросу объединения Кореи внутри южнокорейского общества и среди корейской диаспоры за рубежом. Причиной обращения к теме объединения скорее стало безразличие и даже отрицание воссоединения среди южнокорейской молодежи. Пиар-кампания, как и созданный в 2014 г. Комитет по подготовке к объединению, были призваны способствовать росту заинтересованности в объединении среди молодёжи. Южнокорейское правительство прилагало усилия по убеждению молодых людей в преимуществах объединения, в частности акцент делался на том, что Корея станет влиятельной восточноазиатской державой, а соединение дешевой рабочей силы Севера с технологиями Юга будет способствовать активизации экономики Кореи³⁸.

При Пак Кынхе (2013-2017 гг.) публичная дипломатия, нацеленная на объединение, носила наступательный характер, чуть ли не доходящий до открытой пропаганды (Толорая, Торкунов 2016). При этом развитие межкорейских отношений обуславливалось денуклеаризацией Северной Кореи, вследствие чего отношения между двумя Кореями стремительно регрессировали, что негативно отражалось на межкорейских контактах в социально-гуманитарной и экономической сферах. Подобный подход был связан в том числе с не исключавшимся администрацией

³⁶ КЦ Показ фильма «Мальчик встречает девочку» и беседа со зрителями, 19 апреля 19:00 [KC Screening of the Film "Boy Meets Girl" and a Conversation with the Audience April 19, 19:00] (In Russian). URL: <https://korean-culture-moscow.timepad.ru/event/475264/> (accessed 08.02.2020)

³⁷ Кампания была организована гражданским движением, включающим свыше 1100 корейских и зарубежных гражданских организаций, выступающих за мирное объединение Корейского полуострова, при лидирующей роли американской НПО *Global Peace Foundation*. См.: The New Unification Song, «One Dream One Korea» will be available for free download on the 15th. URL: <https://www.globalpeace.org/node/3691> (accessed 08.02.2020).

³⁸ Liston E. North and South Korea: Can Seoul's Plans for Reunification Work? URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jul/18/south-north-korea-unification-seoul> (accessed 08.02.2020).

Пак Кынхе крахом режима в КНДР и подготовкой к поглощению Севера, необходимость которой утверждалась американскими исследователями. В частности, в докладе «РЭНД Корпорэйшн» за 2013 г. обращается внимание на необходимость подготовки северокорейской элиты к возможному объединению в связи с тем, что даже в случае краха режима в КНДР объединение может не произойти из-за организованного сопротивления населения Северной Кореи принять объединение под руководством южного соседа (Bennett 2013). Суть подготовки заключается в том, чтобы развеять страхи представителей элиты относительно потери жизни, статусов, привилегий, собственности, работы, а также уголовного преследования. Также предлагается формировать положительный образ Южной Кореи как богатой и прогрессивной страны, убеждать северокорейцев в том, что объединение соответствует их интересам, что качество их жизни улучшится. На практике доносить эти идеи предполагается посредством радиовещания, рекламы на южнокорейских DVD, культурных и образовательных обменов, программ лечения больных северокорейских детей в больницах Южной Кореи. Данный подход представляется контрпродуктивным, так как он вызывает подозрение к южнокорейским инициативам в области социально-гуманитарного сотрудничества со стороны Северной Кореи и не способствует росту доверия между сторонами.

При прогрессивной администрации Мун Чжэина (с 2017 г.) изменилось содержательное наполнение дискурса, продвигаемого публичной дипломатией Южной Кореи. Хотя вопрос объединения не исчез из повестки южнокорейской публичной дипломатии, приоритетом политики Республики Корея по корейскому вопросу стало установление мира, сосуществование и процветание на Корейском полуострове³⁹. Смещение акцентов информационного сопровождения внешней политики Республики Корея было связано с устойчивостью северокорейского режима, внутренними сложностями в Южной Корее, вызванными возрождением протекционизма в международной торговле и торговой войной между США и Китаем. Кроме того, Мун Чжэин отказался от наступательной политики объединения, вызывавшей неприятие в Северной Корее, так как стремился снизить напряжённость на Корейском полуострове и не допустить провокаций со стороны Севера в преддверии Олимпийских игр в Пхёнчхане, а также рассчитывал на нормализацию межкорейских отношений и реализацию проектов между Севером и Югом.

При этом Мун Чжэин в отличие от двух предыдущих администраций выступает за отделение политических и военных вопросов от социально-гуманитарного взаимодействия, считая возможным параллельное развитие межкорейских отношений и проведение диалога по решению северокорейской ядерной проблемы между США и КНДР⁴⁰.

³⁹ Moon Jae-in's Policy on the Korean Peninsula. URL: https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/policy/issuues/koreanpeninsula/goals/ (accessed 08.02.2020)

⁴⁰ Lee Sang-sook. 2018. South Korea Back in the "Driver's Seat" to Achieve Denuclearization of the Korean Peninsula: Assessment of President Moon's Special Delegation's Visit to Pyongyang. URL: <https://www.ifans.go.kr/knda/ifans/eng/act/ActivityView.do> (accessed 08.02.2020)

Зимние Олимпийские игры в Пхёнчхане предоставили возможность разрядить обстановку на Корейском полуострове, а также послужили площадкой для возобновления межкорейского политического диалога, который открыл дорогу для американо-северокорейских переговоров. На фоне нормализации межкорейских отношений были организованы межкорейские культурные мероприятия, которые способствовали поддержанию дружественной атмосферы, благоприятной для продолжения политических переговоров.

В течение 2018 г. было проведено три межкорейских саммита, которые открыли различные каналы коммуникации, в том числе переговоры между Обществами Красного Креста, в ходе которых были согласованы встречи разлучённых родственников, и спортивные переговоры об участии совместных команд в Азиатских играх в 2019 г. В соответствии с Пханмунджомской декларацией было открыто совместное бюро связей в Кэсоне, призванное наладить регулярное сотрудничество двух Корей в социально-гуманитарной области⁴¹. В условиях разрядки обстановки на Корейском полуострове южнокорейские эксперты провели оценку состояния железнодорожного полотна в КНДР, с тем чтобы приступить к соединению железных и автомобильных дорог Севера и Юга, а также к их модернизации на территории КНДР. Специалисты из двух Корей обследовали водный бассейн реки Хан, чтобы актуализировать навигационные карты. Кроме того, планируется сотрудничество в области лесного, сельского хозяйства и здравоохранения. Южнокорейские компании заинтересованы в возобновлении работы Кэсонского промышленного парка и туристических туров в горы Кымгансан, однако реализация экономических проектов затрудняется действием международных, американских и южнокорейских санкций против КНДР.

Таким образом, разные администрации приоритизировали различные функции социально-гуманитарного фактора. При консервативных администрациях акцент делался на информационном давлении на КНДР, при этом развитие межкорейских отношений ставилось в зависимость от денуклеаризации Северной Кореи. Прогрессивные администрации предпочитали использовать подход вовлечения КНДР в социально-гуманитарные и экономические связи. В первом случае итогом стал откат в межкорейских отношениях, при этом северокорейское руководство получило дополнительные основания для развития военной ядерной программы. Во втором случае социально-гуманитарная область была и остаётся измерением, в котором существуют перспективные возможности взаимодействия, выгодного обеим сторонам, поскольку оно нацелено на решение конкретных практических проблем, представляющих предмет совместного интереса.

⁴¹ Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&%3BsrchTo=&%3BsrchWord=&%3BsrchTp=&p%3Bmulti_itm_seq=0&%3Bitm_seq_1=0&%3Bitm_seq_2=0&%3Bcompany_cd=&%3Bcompany_nm=&page=1&titleNm= (accessed 08.02.2020)

Республика Корея активно стремится использовать социально-гуманитарную сферу и как фактор сотрудничества и развития, и как инструмент продвижения своих внешнеполитических интересов. При этом публичная дипломатия рассматривается в качестве средства решения проблемы нехватки дипломатических ресурсов⁴². Задачи публичной дипломатии и национального брендинга состоят в конструировании дискурса, продвигающего статус Южной Кореи как «средней державы» и информационном сопровождении предпринимаемых действий в области глобального управления. Кроме того, публичная дипломатия принимает формы различных механизмов создания и поддержания отношений с гражданским обществом других стран.

Путём участия в формировании повестки и правил в конкурентоспособных для неё сферах международного сотрудничества, Южная Корея использует социально-гуманитарное измерение мировой политики для того, чтобы укрепить свою роль и усилить своё влияние в международных делах. Вовлечение широких масс населения различных стран в международно-экономическую сферу и перспективы формирования в XXI в. новой повестки дня между государствами, в центре которой будет обеспечение условий развития человека⁴³ (Лебедева 2018), предоставляют огромные возможности для повышения статуса и роли Южной Кореи в мировой политике. В результате социализации международных отношений способность выступать с инициативами, предлагать решения конкретных проблем, стоящих перед международным сообществом, вовлечённость в сети и участие в различных институтах, позволяющих реализовывать эти инициативы, а также генерировать доверие могут позволить Южной Корее обеспечить себе значимое место на международной арене. При этом «мягкая сила», аккумулируемая за счёт активности в международных делах и внесения вклада в глобальное благо, в будущем могла бы обеспечить поддержку южнокорейской позиции и инициатив по вопросам внешней политики, представляющим для неё особый интерес. В частности, публичная дипломатия могла бы служить средством обеспечения того, чтобы в случае возможного объединения под руководством Юга единая Корея не воспринималась в качестве угрозы другими странами, что позволило бы снизить противодействие её объединительной политике.

В целом, политика по укреплению роли Южной Кореи в глобальном управлении, а также формированию конструктивного объединительного дискурса (как возможной перспективы когда-нибудь в будущем) во внешнем и внутреннем информационном пространствах рассчитаны на то, чтобы расширить возможности маневрирования в региональной политике и обеспечить поддержку южнокорейских инициатив по корейскому урегулированию.

⁴² Keynote Speech from South Korea's Ambassador for Public Diplomacy (October 2017). URL: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/story/keynote-speech-south-koreas-ambassador-public-diplomacy> (accessed 08.02.2020)

⁴³ Подберёзкин А. Будущие проблемы международной безопасности: «Безопасность через развитие». URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=633563&soch=1> (дата обращения 08.02.2020)

Вместе с тем в качестве приоритета южнокорейской политики в отношении КНДР целесообразнее ставить содействие вовлечению последней в транснациональные связи, продвигать дискурс сотрудничества и развития, мирного сосуществования и равноправного диалога, так как объединение – это сложный процесс выстраивания и поддержания отношений в социально-гуманитарной, экономической и политической областях. Как показывает практика, навязывание своего видения единой Кореи как единственно возможного и неизбежного и обусловливание социально-гуманитарного взаимодействия решением северокорейской ядерной проблемы контрпродуктивно, вызывает лишь недоверие и враждебность со стороны Северной Кореи к соответствующим инициативам и внешнему миру в целом.

Социально-гуманитарная сфера предоставляет возможности вовлечения Северной Кореи в международные связи, что может стимулировать позитивные изменения в подходах северокорейского руководства к внешнему миру; именно поэтому необходимо поддерживать всевозможные каналы коммуникации вне зависимости от состояния политических переговоров по денуклеаризации КНДР. При этом социально-гуманитарные механизмы корейского урегулирования не являются альтернативой политическим переговорам по решению комплекса проблем Корейского полуострова. Они скорее призваны выступать необходимым дополнением и систематическим сопровождением классической дипломатии. Роль социально-гуманитарного фактора также состоит в том, чтобы служить подушкой безопасности и трамплином в периоды обострения межкорейского конфликта, развитие которого происходит по спирали, и возникновения необходимости найти выход из тупика.

Об авторе:

Оксана Сергеевна Пугачёва – менеджер департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 119017, Россия, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17/1. E-mail: ksusha2739@bk.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: November 5, 2019
Accepted: February 3, 2020

Social and Humanitarian Factor in South Korea's External Relations and The Korean Question

O.S. Pugacheva
DOI 10.24833/2071-8160-2020-1-70-147-168

National Research University Higher School of Economics

Abstract: The development of the socio-humanitarian dimension of world politics provides new opportunities for enhancing the role and influence of the middle powers in the global affairs. That is why for understanding and assessment of their political opportunities on the international arena, it is necessary to analyze the approaches and policies of such countries on using socio-humanitarian factor to balance in the existing world balance power and ensure their foreign policy interests. The aim of the article is to analyze South Korea's activities in the social and humanitarian sphere of world politics in the context of its foreign policy interests. The research question is: what is the role of the socio-humanitarian factor, in particular public diplomacy, in the external activities of South Korea with regard to the settlement of the Korean question? The author argues that South Korea sees social and humanitarian sphere as a possibility to strengthen its role and influence on the international arena. While developing the discourse of South Korea as a middle power, the South Korean leadership seeks to take part in creating norms and rules in different fields of global governance. Despite controversies concerning its status and policy as that of a middle power, South Korea advances through public diplomacy the discourse that constructs and enhance its middle power status and can contribute in forming the corresponding national identity. South Korea uses national branding as well to strengthen its political image. Further, the article points out that promoting South Korea's stance and defending its interests on the Korean Peninsula represent a key task of South Korea's public diplomacy. In particular, the article examines South Korea's public diplomacy mechanisms on the Korean track towards the United States and emphasizes that although South Korea has actively engaged in public diplomacy in the USA, it still has a lot to do to explain South Korea's concerns to American political elites and U.S. publics and ensure that the relationship with the United States fully serves South Korean interests. Moreover, it is noted that enhancing South Korea's role in global governance as well as forming constructive unification discourse (unification as a process now and as a result someday in the future) within the country and abroad are supposed to expand its opportunities to maneuver in the regional politics of East Asia and provide support for the South Korean initiatives on the Korean settlement. In the end, the author turns to the inter-Korean relations. The author states that different South Korean administrations have prioritized different functions of the socio-humanitarian factor. Conservative administrations put an emphasis on information pressure on the DPRK while the development of inter-Korean relations was conditioned by the denuclearization of North Korea. Progressive administrations prefer engaging the DPRK in social, humanitarian and economic interactions. In the first case the result was a rollback in inter-Korean relations with the North Korean leadership receiving additional grounds for the development of its military nuclear program. In the second case the social and humanitarian area was and remains a dimension providing promising opportunities for cooperation that is beneficial to the both parties as it is aimed at solving specific and practical problems of common interest. In that sense, the author argues

that social and humanitarian factor in inter-Korean relations could serve as a safety cushion during intensification of the inter-Korean conflict and provide a launch pad for finding a way out of the impasses.

Key words: South Korea, social and humanitarian cooperation, public diplomacy, North Korea, Korean Peninsula, inter-Korean conflict, middle power.

About the author:

Oksana S. Pugacheva – manager of the Department of International Relations, National Research University Higher School of Economics, 17/1, Malaya Ordynka, Moscow, Russia, 119017. E-mail: ksusha2739@bk.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Anholt S. 2013. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations. *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. 2(1). P. 6-12.

Aronczyk M. 2013. *Branding the Nation: The Global Business of National Identity*. London: Oxford University Press. 256 p.

Bajenova T. 2018. Rescaling Expertise in EU Policy-Making: European Think Tanks and their Reliance on Symbolic, Political and Network Capital. *Globalisation, Societies and Education*. 17(1). P. 61-77. DOI: 10.1080/14767724.2018.1540926

Bátora J. 2005. Public Diplomacy in Small and Medium-Sized States: Norway and Canada. *Cligendael Discussion Papers in Diplomacy*. Vol. 97. 24 p.

Bennett Bruce W. 2013. *Preparing for the Possibility of a North Korean Collapse*. RAND Corporation.

Cull N. 2012. 'Bulging Ideas': Making Korea's Public Diplomacy Work. *Issue Brief of Asan Institute for Policy Studies*. No. 37.

Henrikson A.K. 2005. Niche Diplomacy in the World Public Arena: the Global 'Corners' of Canada and Norway. *The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations*. New York: Palgrave Macmillan. P. 67-87.

Howe B. 2015. Development Effectiveness: Charting South Korea's Role and Contributions. *Middle-Power Korea. Contributions to the Global Agenda*. Washington: Council on Foreign Relations Press. P. 21-43.

Melissen J., Kim Hwa-Jung. 2018. South Korean Diplomacy between Domestic Challenges and Soft Power. *World Economy Brief*. 8(23). DOI: 10.2139/ssrn.3299389

Melissen J., Sohn Yul. 2015. *Understanding Public Diplomacy in East Asia: Middle Powers in a Troubled Region*. New York: Palgrave Macmillan. 283 p.

Mo Jongryn. 2017. South Korea's Middle Power Diplomacy: A Case of Growing Compatibility between Regional and Global Roles. *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 1(4). P. 587-607. DOI: 10.1177/0020702016686380

Oh Chong Jin. 2012. Security Conditions and Regional Competition in East Asia after the New Millennium: A South Korean Perspective. *Perceptions: Journal of International Affairs*. 17(4). P. 105-128.

Schwak J. 2016. Branding South Korea in a Competitive World Order: Discourses and Dispositives in Neoliberal Governmentality. *Asian Studies Review*. 40(3). P. 427-444. DOI: 10.1080/10357823.2016.1193474

Snyder S.A. 2015. Introduction. *Middle-Power Korea. Contributions to the Global Agenda*. Washington: Council on Foreign Relations Press. P. 1-7.

Denisov V.I. 2015. Yadernaya problema Korejskogo poluostrova: est' li vyhod iz tupika? [The Nuclear Problem of the Korean Peninsula: Is There a Way of Ending the Deadlock?]. *International Analytics*. No. 1. P. 182-193. (In Russian)

Lebedeva M.M. 2018. Razvitiye sotsialnoy i gumanitarnoy problematiki v mezhdunarodnykh issledovaniyakh: rossiyskiy rakurs [Social and Humanitarian Issues in International Studies: the Russian Perspective]. *MGIMO Review of International Relations*. 58(1). P. 7-25. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-7-25

Toloraya G.D., Torkunov A.V. 2016. Raketno-yadernaya ugroza na Korejskom poluostrove: prichiny i mery reagirovaniya [Nuclear and Missile Threat on the Korean Peninsula: Origins and Response Measures]. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 131-146. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.04.11

Литература на русском языке:

Денисов В.И. 2015. Ядерная проблема Корейского полуострова: есть ли выход из тупика? *Международная аналитика*. № 1. С. 182-193.

Лебедева М.М. 2018. Развитие социальной и гуманитарной проблематики в международных исследованиях: российский ракурс. *Вестник МГИМО-Университета*. 58(1). С. 7-25. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-7-25

Толорая Г.Д., Торкунов А.В. 2016. Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 131-146. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.11